

Когда Шань вновь открыл глаза, за окном по-прежнему царилась ночь, из-за чего его восприятие времени окончательно спуталось. Он не мог понять, сколько пробыл в бессмысленности: прошла лишь пара мгновений, целые сутки или того больше?

В воздухе висел тяжелый, смешанный запах: остатки спиртного, солоноватый пот, нотки его собственной крови и еще нечто неуловимое, отчего внутри всё сжималось от тревоги.

Голова раскалывалась, будто тысячи насекомых грызли мозг изнутри. Шань был не в силах даже осмыслить произошедшее. Поясница и ноги ныли так, словно больше ему не принадлежали. Хуже того, все тело ощущалось так, будто его сначала разорвали на части, а потом кое-как собрали обратно: мышцы болели от разрывов, а в суставах словно насыпали песка — каждое движение отдавалось тупой, тянущей болью. В довершение всего магия внутри него напоминала перегоревшую нить накаливания: он чувствовал, что она есть, но воспользоваться ею был не в состоянии.

Эта чуждость собственного тела заставила его инстинктивно сжаться в комок.

Желая поспать еще немного, Шань потянулся, чтобы натянуть одеяло, и спрятал в него половину лица.

Подождите, одеяло? Шань мгновенно пришел в себя. Откуда здесь одеяло?

Он с трудом приподнялся с пола и огляделся.

Комната была совершенно чужой, а обстановка — до того бедной, что ее можно было назвать убогой. В углу царил беспорядок, на стене висела карта, а в свете лампы отчетливо кружились пылинки.

Это была не его хижина в лесу, не гостиная Вэйиньсы, не любое другое знакомое ему место.

В одно мгновение воспоминания, словно осколки разбитого зеркала, начали складываться в единую картину.

Желтые пески Глотки Миража, шум рынка, холодное, яростное лицо Вэйиньсы, жгучий алкоголь, охватившая его слабость, и еще...

Лицо Шаня мгновенно побелело, а золотистые глаза наполнились шоком и растерянностью.

Неужели я выбрал неверный метод воспитания? — невольно подумал он.

В памяти всплывали смутные, хаотичные образы: лицо Вэйиньсы, приблизившееся вплотную, грубые укусы, яростное, словно в отместку, рванье одежды, то беспомощное состояние, когда

он лишился всякой возможности сопротивляться и вынужден был лишь терпеть. Но что было дальше, он вспомнить не мог.

Раз он сумел меня перехитрить, значит, он силен, и дело не в моем воспитании. — По сравнению с собственным состоянием, Шаня куда больше беспокоило, не ошибся ли он в своих педагогических методах.

Очевидно, проблема была, но он упорно считал иначе.

Шань опустил взгляд и только теперь заметил на своем теле следы и раны. Острая боль в мышцах и костях до этого не давала ему заметить весь ужас происходящего. Пальцы Шаня дрожали, касаясь отметин, которые не были ни обычными ушибами, ни ранами. Он словно отказывался верить в реальность увиденного.

— Почему? — пробормотал он едва слышно. В его голосе не было ни гнева, ни обиды — лишь глубокое, искреннее недоумение.

Он не понимал, что пошло не так.

Он потратил шесть лет на поиски, перерыл каждый уголок Священной земли, преодолел ее строгие запреты, в одиночку пересек бескрайний океан и обширные пустыни, чтобы наконец найти своего пропавшего ребенка.

Он лишь хотел забрать его домой, в безопасное место, или хотя бы просто быть рядом и защищать его.

Почему же всё обернулось так? Почему Вэйиньсы оказал такое сопротивление? Почему всё зашло так далеко?

Вэйиньсы, его ученик, детеныш, которого он спас ценой невероятных усилий, ребенок, чье взросление он наблюдал, ученик, которого он воспитал лично — почему он совершил подобное? Какой смысл был в том, чтобы сделать это с ним?

Шань не понимал, но знал одно: раз Вэйиньсы не убил его, значит, упустил свой единственный шанс. Теперь он уже никогда не сможет лишить учителя жизни.

Однако та беспомощность, которую вызвал яд, то унижение от того, что его использовали как игрушку, и этот безумный, ледяной взгляд ненависти в глазах ученика — всё это вонзилось в его сердце подобно иглам.

Здравый смысл Шаня отказывался принимать подобное поведение, целью которого было лишь унижение другого. В лесу сородичи лишь помогали и оберегали друг друга, и даже в случае ссор никто не опускался до столь подлых методов. Даже когда приходилось наказывать

сородичей за нарушение правил или чужаков, вторгшихся на Священную землю, им старались причинить как можно меньше страданий.

Шань невольно задумался, что же пришлось пережить Вэйиньсы за эти шесть лет?

Он медленно сел, и одеяло соскользнуло с плеч. Магия по-прежнему не слушалась, а боль в теле и осознание того, что происходящее выходит за рамки его понимания, отразились в золотистых глазах нескрываемой мукой.

В этот момент дверь отворилась.

Вошел Вэйиньсы, неся поднос с дымящейся миской.

Увидев, что Шань очнулся, он невольно замедлил шаг. Заметив на теле учителя следы вчерашней ночи, он на мгновение застыл. Он никогда не думал, что раны на Шань могут оставаться так долго. Но вскоре его лицо вновь приняло холодное, отстраненное выражение.

— Очнулся? — его голос звучал ровно, словно ничего не произошло.

Шань поднял голову и посмотрел прямо на него. В его взгляде не было ни капли злости, лишь чистое, детское замешательство.

— Зачем ты это сделал?

Голос звучал слабо, но отчетливо.

Вэйиньсы отвел взгляд и подошел к единственному в комнате столу, аккуратно поставив поднос.

— Что именно? — с притворной невозмутимостью переспросил он. — Ты просто перепил, вот и не выдержал.

Тон его был легким, даже насмешливым, но едва заметно дрожащие пальцы выдавали его внутреннее напряжение.

Шань смотрел на него и покачал головой, не зная, как выразить всю сложность своих чувств.

— Ты... — он хотел сказать: «Хотя ты на это не способен, тебе следовало попытаться убить меня», но в итоге произнес лишь: — Почему?

На этот раз Шань действительно не мог сказать большего — каждое слово давалось с

невыносимой болью, словно кости лица перемалывались, а связки царапала невидимая рука.

Вэйиньсы резко обернулся, и в его красноватых глазах сверкнул холодный свет.

— Почему? — он усмехнулся. — Мне казалось, я уже достаточно ясно выразился. Это цена за твое возвращение, учитель.

Он намеренно выделил слово «учитель», и эта насмешка была острее иглы.

— Разве ты не хотел остаться со мной? Не хотел и дальше контролировать меня? Так вот, посмотри: теперь я уже не тот слабый тринадцатилетний мальчишка. Тебе тоже пора узнать, каково это — быть в чужой власти.

Губы Шаня дрогнули, он хотел что-то сказать, но смолчал. Видя неприкрытую ненависть в глазах Вэйиньсы, он решил, что сейчас лучше его не провоцировать.

Он не понимал, где именно он ошибся в своей любви, своей опеке и своем воспитании.

В комнате вновь воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением лампы.

Вэйиньсы смотрел на молчаливого Шаня, и то чувство удовлетворения от мести, что он испытывал раньше, давно испарилось, сменившись странным раздражением. Он отвернулся, не желая больше смотреть на учителя, и холодно бросил:

— В миске мясной бульон. Поешь. Не хватало еще, чтобы ты сдох здесь от голода и испачкал мне комнату.

Сказав это, он направился к выходу, словно желая сбежать от этого взгляда, который так его раздражал.

— Вэйиньсы. — Шань внезапно окликнул его.

Вэйиньсы замер, но не обернулся.

<http://bllate.org/book/22458/2361947>